

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

II

БУЛНОВСКАЯ БИТВА

ИРКУТСКЪ.

Типографія штаба войскъ.

1863.

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

II

БУЛНОВСКАЯ БИТВА

ИРКУТСКЪ.

Типографія штаба войскъ.

1863.

Печатано по распоряженію мѣстнаго начальства.

ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ И КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

(По лѣтописному сказанію).

Лѣтъ за 600 передъ снмъ наше отечество постигнуто было, по Божію попущенію, великимъ бѣдствіемъ: пришли на него изъ за-Волги невѣдомые люди, называемые монголами, а иначе татарами,—выходцы изъ тѣхъ мѣстъ Сибири, гдѣ находятся верховья Амура,—и въ два похода не только опустошили Русь изъ конца въ конецъ, подѣ начальствомъ царя своего Батыя, но и на долгія времена наложили на нее свое иго. Безъ малаго двѣсти лѣтъ съ половиной русскій народъ изнывалъ и томился въ тяжелой неволѣ, пока мѣстъ не насталъ на московскомъ государствѣ вѣчной памяти государь Іоаннъ Васильевичъ третій и, укрѣпившись всенародными силами, свергъ въ 1480 году ненавистное рабство.

— Не вдругъ однакожь освободилась Русь отъ татаръ при государѣ Іоаннѣ Васильевичѣ.

Освобожденіе это готовилось уже его предками, изъ которыхъ особенно одинъ достопамятенъ, княжившій за 100 лѣтъ передъ тѣмъ. То былъ знаменитый князь московскій, Димитрій Іоа-

новичъ, «первоначальникъ русской славы», пра-
дѣдъ Іоаннъ Васильевичъ третьяго.

При князѣ Димитріѣ Іоанновичѣ уже доволь-
но пособралась Русь воедино изъ своего преж-
няго раздробленія на многія части, которыя на-
зывались удѣлами или удѣльными княжествами, а
орда татарская между тѣмъ ослабѣла отъ проис-
ходившихъ въ ней часто усобищъ. Зная это,
Димитрій Іоанновичъ и рѣшился попытать счас-
тія побороться съ нею силами, въ надеждѣ
одолѣть поработителей.

Дѣло было такимъ образомъ: въ лѣтѣ 1378
но Р. Хр ордынскій царь Мамай выслалъ войско,
тысячъ въ пятьдесятъ, въ княжество московское—
повоевать его и понудить московскаго государя
къ платежу себѣ не-обычной дани. Но москов-
скій государь не побоялся дать ему отпоръ и
вышелъ противъ непріятели съ равною ему си-
лою. Русскіе встрѣтились съ татарами на рѣкѣ
Вожѣ, (въ нынѣшней Рязанской губерніи), и
крѣпко съ ними схватились. Немного татары
устояли въ полѣ противъ христіанскаго муже-
ства, и повернувъ свои копья, побѣжали за рѣ-
ку Вожу. Много Русь перебила и приколола ихъ
на побѣгѣ. На другой день, когда уже разбитый
врагъ скрылся изъ глазъ, Димитрій Іоанновичъ
наѣхалъ со своею дружиною на шатры и вежи
татарскія, на телеги и обозъ ихъ въ чистомъ по-
лѣ: все было брошено въ безпорядкѣ татарами и
поразобрано русскими ратниками. Татары же со
стыдомъ и великимъ недочетомъ убрались въ
свою орду, на берега Волги, въ городъ Сарай,
гдѣ со времени Батыя былъ ихъ постоянный
притонъ.

Тогда Мамай распалился гнѣвомъ и сказалъ

своимъ мурзамъ и воеводамъ: «пойдемъ на русскаго князя и на его землю, какъ было при царѣ Батый; раззоримъ христіанъ, церкви Божіи пожжемъ и законъ ихъ изгубимъ». И началъ царь Ордынскій собирать свои полки: пришли въ движеніе все татарскія кола. Тогда же Мамай сослался съ Литовскимъ княземъ Ягайло и со своимъ «пособникомъ» въ Россіи, лукавымъ княземъ Олегомъ Рязанскимъ. Съ обоими уговорился онъ подѣлиться на благовѣрнаго князя, Дмитрія Іоанновича московскаго, на берегахъ р. Оки. Въ августѣ мѣсяцъ дошла вѣсть о томъ изъ орды до Дмитрія, а тѣмъ временемъ и Олегъ Рязанскій прислалъ къ нему гонца со льстивыми вѣстями: «Мамай идетъ со всемъ своимъ царствомъ на мою Рязанскую землю—на меня и на тебя и князь Литовскій—тоже; знай это».—Дмитрій усердно помолися Богу въ соборной церкви Богоматери о заступленіи небесномъ и тотчасъ обратился къ брату своему двоюродному, Владимиру Андрѣевичу, князю Серпуховскому, и ко всемъ прочимъ русскимъ князьямъ и великимъ воеводамъ съ призывомъ: «выйдемъ противъ окаяннаго и безбожнаго, нечестиваго и темнаго язычника, Мамай, и постоимъ за правую вѣру христіанскую, за св. церкви Божіи и за весь міръ христіанскій».—Былъ тогда митрополитомъ на Москвѣ Кипріанъ.—Дмитрій Іоанновичъ отправился къ нему и сказалъ: «Знаешь ли, владыко, нашу бѣду?—Царь Мамай идетъ на насъ съ неукротимою злобой!» Преосвященный митрополитъ отвѣчалъ: «скажи мнѣ, государь,—въ чемъ ты передъ нимъ не исправился?»—«Исправился во всемъ сполна, по уставу отцовъ и даже болѣе ихъ».—«Видишь ли, государь,—попущеніемъ Бо-

жизнь, ради грѣховъ нашихъ, идетъ врагъ плѣнить русскую землю?—Надлежитъ русскимъ князьямъ утолить его алчность четверницею для спасенія христіанской вѣры, ради рода христіанскаго. Если же и тогда не смирится, то писано, что Господь гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать.—Нынѣ же собери, сколько есть у тебя золота, и пошли къ нему».—Димитрій Іоанновичъ послушался совѣта митрополитскаго, не хотя кровопролитія и, взявъ изъ казны своей много золота, послалъ его съ однимъ разумнымъ человекомъ изъ служилыхъ дворянъ своихъ (по имени Захарією Тошковымъ къ царю татарскому, давъ ему въ провожатые двухъ толмачей, знающихъ татарскій языкъ. Но Мамай не удовольствовался и потребовалъ себѣ прежней великой дани, какъ въ старину было при царѣ Узбекѣ. Димитрій наотрѣзъ отказалъ.—Между тѣмъ на призывъ Великаго князя откликнулась вся земля русская.—Князья и бояре и удалые люди оставляли свои дома и достоянныя, женъ, дѣтей и весь почетъ, чтобы сложить свои головы за родимый край. Великій князь Димитрій и братъ его Владиміръ Андрѣевичъ наострили сердца своимъ мужествомъ и своею крѣпостию напомнили прадѣда своего Владиміра Кіевского.—Сѣзжались русскіе князья со всѣхъ сторонъ со своими дружинами—кто въ Москву, кто въ Коломну, которая назначена была сборнымъ мѣстомъ для выступленія въ походъ. Ржали кони въ Москвѣ, били бубны въ Коломнѣ, трубили трубы въ Серпуховѣ, раздавался кайкъ военный по всей землѣ, гудѣли вѣчные колокола въ великомъ Новогородѣ.—Оподчалась люди всѣхъ званій и шли на честь и смерть.—Не одни русскіе, даже ли-

товскіе, единовѣрные намъ князья, родные братья Мамаева союзника Ягайло, Андрей и Димитрій, поспѣшили на помощь къ государю Московскому: Изъ всей Руси не доставало только одного князя—Олега Рязанскаго. «Была у него, пишетъ одно современное сказаніе, скудость ума въ головѣ, сатана вложилъ хитрость въ сердце его, и началъ онъ пересылаться съ Мамаемъ—царемъ послами со многою честію и дарами, и такой написалъ ему ярлыкъ: «Восточному царю Мамаю твой посаженный присяжникъ, Олегъ Рязанскій.—Слышалъ я, что ты, государь милостивый, хочешь идти на Русь, на своего посаженника и служебника, на князя Димитрія Московскаго, чтобы навести на него грозу: тепѣрь самое тому время. Земля его полна казны и всякаго добра. Извѣстно мнѣ, царь всесвѣтлый, что Димитрій—человѣкъ смиренный. Когда онъ услышитъ о грозѣ твоей, которую ты на него поднимаешь, то побѣжитъ отъ тебя въ дальній утекъ, въ какое-нибудь пустое и неключимое мѣсто, казну же и все добро свое оставитъ въ твоихъ рукахъ. А меня, своего раба, пощади ты, царь. Я буду наводить страхъ твоего имени на Русь и на князя Димитрія.—Онъ городъ мой Коломну взялъ за себя. О томъ быю тебѣ челомъ».—Кромѣ того Олегъ уговаривалъ и Литовскаго князя приложиться къ Мамаю, чтобы завладѣть черезъ него Москвою, которой тѣтъ давно домогался, а самому захватить Коломну и другіе города близъ Муромъ и Владиміра.—Радовался Мамай такому дѣлу. «Я чаялъ, говорилъ онъ своимъ мурзамъ, что они воедино соединятся на меня, а теперь вижу—между ними великая рознь». «Но изрывающій друтому яму, самъ въ нее падаетъ».—Такъ записано

въ лѣтописяхъ про Олега Рязанскаго. Но врядъ ли онъ такъ былъ виноватъ, какъ думали о немъ тогда въ народѣ. Для Рязанскаго князя бѣда была въ томъ, что его княжество находилось на перепутьѣ между ордою и Москвою. Чѣмъ бы война не рѣшилась, татары непременно должны были пройти по нему и въ конецъ его раззорить. Огъ того Олегъ и хотѣлъ сохранить миръ съ ханомъ и, желая въ душѣ успѣха князю Московскому, давалъ ему знать обо всѣхъ движеніяхъ татаръ, но не смѣлъ посылать имъ на помощь войска и во все время переписывался съ ханомъ.

Собралось подъ рукою Димитрія Іоанновича до полутора ста или даже до двухъ сотъ тысячъ христіанскаго воинства.—Такой силы еще не бывало въ соединеніи у насъ отъ начала Руси. Тѣ самые воины, которые недавно губили другъ друга въ усобицахъ лѣтъ минувшихъ, становились теперь, какъ одинъ человекъ, подъ общимъ великокняжескимъ знаменемъ и подъ однимъ хоругвямъ. Во имя родины и вѣры отеческой исполчались они на великую брань съ сопротивниками креста Христова, забывъ всѣ старые счеты по различнымъ княжествамъ, къ которымъ принадлежали.—Пакаунѣ выступленія въ походъ, когда уже все было готово, Димитрій Іоанновичъ вмѣстѣ съ князьями и боярами отправился въ святотроицкую обитель (въ 60 верстахъ отъ Москвы) помолиться тамъ св. Живоначальной Троицѣ и принять благословеніе отъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, бывшаго тогда въ ней настоятелемъ. Былъ день воскресный—память св. Фрола и Лавра. Отслужилъ преподобный Сергій литургію. Послѣ литургіи онъ просилъ благовѣрнаго князя со всею братією

вкусить у нихъ хлѣба-соли. Великій князь отговаривался: «времѣ не терпитъ, говорилъ онъ; пришли вѣстники,—сказываютъ, что приближаются къ намъ поганые». Но сказалъ на это пренеподобный: «малое сіе замедленіе благопоспѣшливо тебѣ будетъ.—Дано тебѣ будетъ, государь, поспѣть вѣнецъ побѣды, и инымъ многымъ съ тобою соплетаются вѣнцы». Великій князь послушался. А тѣмъ временемъ освятили воду надъ мощами св. мучениковъ Фрола и Лавра, и когда Димитрій всталъ изъ-за трапезы, пренеподобный окропилъ его и всѣхъ бывшихъ съ нимъ и, возложивъ на чело его крестное знаменіе, молвилъ: «что довлѣетъ твоей державѣ?—Не надо ли чего тебѣ на потребу?»—Отвѣчалъ святому князь: «дай мнѣ, отче, двухъ старцевъ—илоковъ, восведъ отъ полка твоего: тѣмъ и ты намъ послужишь службу».—«О какихъ, государь, говоришь старцахъ?» спросилъ Сергій.—«О двохъ братьяхъ Брянскихъ, боярахъ Пересвѣтѣ и Ослябѣ». Пренеподобный повелѣлъ имъ изготovitъся. Оба они были въ міру искусные ратники, сильные и мужественные. Давно уже оставили они свѣтъ и, забывъ все мірское, посвятили себя одному Богу. Но какъ пришелъ часъ испытанія Божія, захотѣли и свои головы положить за отечество. Отпуская ихъ, Сергій вручилъ имъ многоотвердый доспѣхъ креста Христова, нашитый на схимахъ, и сказалъ: «вотъ оружіе нестѣнное,—разите имъ враговъ! Идите, братіе, съ миромъ и постраждите за имя Христово, доблестные Христовы воины! Вмѣстѣ же съ ними далъ святитель Христово знаменіе, миръ и благословеніе и всему православному христіанскому войнству.—Съ радостію въ сердцѣ воз-

вратился Димитрій въ Москву, но никому не открылъ того, что сказалъ ему троїцкій старецъ, кромѣ преосвященнаго митрополита Кипріяна, который и отъ себя подтвердилъ князю удержать въ тайнѣ слова преподобнаго.

На другой день утро было тихое и ясное. Колокольный звонъ раздавался по всей Москвѣ. Войска, провожаемая крестнымъ ходомъ и густыми толпами народа, который громко прощался съ ними, выступали въ походъ. Въ это время Великій князь въ архангельскомъ соборѣ горячо молился надъ гробами своихъ предковъ и давалъ себѣ клятву—биться съ татарами до послѣдней капли крови. Оставивъ управленіе Москвою и княжествомъ своимъ вѣрнымъ боярамъ, онъ вложилъ погу*въ стремл. съ нимъ и всѣ князья и воеводы сѣли на коней. «Не пощадимъ, братья, сказалъ Димитрій, обратившись къ Владиміру Андрѣевичу и прочимъ своимъ сподвижникамъ, живота своего за вѣру христіанскую, за св. церковь и за всю землю русскую!»—За всѣхъ отвѣчалъ Владиміръ Андрѣевичъ. «воеводы и удальцы русскіе хотятъ сложить свои головы за вѣру христіанскую и за твою обиду—государеву!»

Пошли князья и воеводы изъ Москвы со своими дружинами въ разные концы города,—кто на Брашево, кто по Болвановкѣ, а самъ Димитрій—на Котель—къ Коломнѣ,—по той причинѣ, что одною дорогою нельзя было всѣмъ выступить за многолюдствомъ.—«Была тогда въ градѣ Москвѣ, говоритъ современный сказатель, и въ Переяславѣ, и во Владимірѣ, и въ Ростовѣ, и въ Костромѣ, и во всѣхъ городахъ Великаго князя и прочихъ русскихъ князей—туга великая, плачь горькій и рыданія. Матери оплакивали

дѣтей своихъ, подобно Рахили, и не хотѣли утѣшиться, что они пошли съ Великимъ княземъ на острые копья. И кто-только не плакалъ, глядя на ихъ слезы! «Бѣдныя наши дѣти! говорили русскія женщины: лучше бы намъ было не родить васъ! Незнали бы мы злострастныхъ печалей, не видѣли вашей смерти, повинны были въ вашей нагубѣ»!..—Сама Великая княгиня Евдокія, супруга Димитріева, попросившись съ нимъ, вышла вмѣстѣ со своею снохою и другими княгинями и воеводскими женами на златоверхій свой теремъ—набережный и, присѣвъ у южнаго окна, такъ плакалась: «уже въ послѣдній разъ гляжу на тебя, Великаго князя»,—и слова ея заглушались рыданьями.—Тяжело вздохнувъ и прижавъ руки къ сердцу, она потомъ говорила: «Дай мнѣ, Господи, еще увидѣть государя моего, Великаго князя Димитрія Ивановича! Помоги ему одолѣть силу вражію! Не приведи, Господи, извѣдать то, что было христіанамъ на рѣкѣ Казкѣ отъ татаръ и злаго Батты! (*) Спаси и помилуй насъ отъ такой напасти! Не допусти погибнуть оставшемуся христіанству! Отъ той рати земля русская уныла.— Не на кого уновать мнѣ кромѣ тебя, Всевидящаго Бога. Есть только у меня два дѣтища, Василій да Юрій, но и-тѣ малыя.—Повѣетъ вѣтеръ съ юга, либо пахнетъ съ запада, не-то злой поразитъ ихъ,—на что обопрусь?! Возврати имъ, Господи, отца ихъ здорова и невредима! Тогда и землѣ ихъ добро будетъ, и станутъ они царствовать.»

(*) Теперь Кагальникъ въ Екатеринославской губерніи, близъ Мариуполя—падаетъ въ Азовское море. Здѣсь произошла первая встрѣча русскихъ съ татарами въ 1224 году.

Въ двадцатыхъ числахъ августа 1380 года прибылъ Димитрій въ Коломну и, урядивъ тамъ все полки русскіе, двинулся на Оку, гдѣ присоединился къ нему со своею дружиною Владимиръ Андрѣевичъ. Когда переправились за Оку, Великій князь заказывалъ всѣхъ чиновъ людямъ въ своемъ войскѣ: «кто ни пойдетъ по землѣ Рязанской и по улусамъ, да не тронетъ ни единого волоса на землѣ той!» И тогда же послалъ въ край татарскій для развѣдки десять человекъ сурожанъ (т. е. купцовъ, торгующихъ по Сурожскому или Азовскому морю съ генуэзскими купцами, какъ людей знакомыхъ съ татарами, съ ихъ обычаями и землей: Семена Мелика, да Игнатія Крени, Фому Тинина, Петра Юрскаго, Карна Алексина, Петрушу Чурикова и иныхъ). Эти купцы должны были извѣстить князя о томъ, что дѣлалось въ ордѣ. Они написали Димитрію, что Мамай со всемъ народомъ своимъ откочевалъ изъ своихъ улусовъ—въ степяхъ приволжскихъ—и подступаетъ къ Дону, чтобы ближе быть къ Руси, но отложилъ походъ на нее до осени.—Таковъ былъ у татаръ обычай. За множествомъ народа, имъ нельзя было возить съ собою на походъ довольно запасовъ. А чѣмъ топтать конями не дозрѣлый хлѣбъ на корню по полямъ и потомъ голодать, имъ надо было ждать, когда снѣмуть и сложать его въ клады: тогда и людямъ вездѣ нища и конямъ кормъ.—«Пусть ни одинъ человекъ не пашетъ у васъ хлѣба, приказывалъ Мамай татарамъ, дойдя до устья рѣки Воронежа на Дону и распустивъ свои полчища.—Будьте готовы на русскую землю на хлѣбы!»—Донесли также сурожане, что Мамай идетъ не одинъ, но и на сторонѣ имѣетъ

союзниковъ.

Тѣмъ временемъ Русскіе, подвигаясь по немногу впередъ, достигли 6-го сентября до р. Дона. Не видѣвъ послѣ того удалось имъ добыть татарскаго языка отъ одного перехваченнаго на дорогѣ татарина. Допросивъ его, узнали, что Мамай стоитъ на мѣстѣ и поджидаетъ къ себѣ на подмогу Ягайлу Анто夫скаго, чтобы сообща ударить на Русскихъ. «Силы у него видимо-невидимо; но о приближеніи Русскихъ онъ ничего не знаетъ». — Подошли къ Дону и расположившись тамъ станомъ, много раздумывали Русскіе князья и воеводы, что дѣлать. Одни совѣтовали Великому князю перейти рѣку, другіе — отсѣвѣ товати, за множествомъ непріятеля, не только татаръ, но и Литвы. Толковали немало и ни на чемъ не рѣшились. Тогда заговорили Андрей и Димитрій Анто夫скіе: «Пойдемъ за Донъ! Не надо давать соединиться Мамаю съ Ягайломъ. На той сторонѣ мы и битися будемъ храбрѣе; потому что бѣжать будетъ некуда: тамъ и робкіе станутъ храбрыми» Разсудили притомъ, что если русское войско будетъ разбито, то вся Русь будетъ раззорена, а ежели русскіе побѣдятъ, то лучше сразиться на чужой землѣ. Къ тому же и Анто夫скій князь стоялъ уже, какъ узнали, верстѣ за 60 только къ западу, и нужно было битися съ татарами, не дожидаясь его прихода. Тогда же пришла грамота къ Димитрію, отъ игумена троицкаго Сергія, въ которой онъ писалъ ему: «ступай, государь, на битву. — Богъ и святая Богородица будутъ тебѣ въ помощь». Эта грамота рѣшила дѣло. — Мамай же, свѣдавъ о приближеніи Димитрія съ великою ратью къ Дону, смутился умомъ и говорилъ своимъ мурзамъ:

«двинемся впередъ и станемъ у Дона противъ князя Дмитрія, доколѣ придетъ къ намъ на помощь Ягайло Литовскій».—Великій князь сталъ передъ полками и сказалъ имъ громкимъ голосомъ: «пришло время, братья, святой брани.—Пойдемъ за Донъ. Останемся ли живы, умремъ ли за мѣръ—да будетъ воля Господня».—«Впередъ! кликнуло войско.—Умремъ за Русь святую!» Великій князь немедленно приказалъ наводить на рѣкѣ мосты для пѣшихъ воиновъ и искать броду для конныхъ. За ночь на 8-е сентября, на канунъ праздника Рождества Богородицы, мосты были изготовлены, и началась переправа. Когда все переправилось на другую сторону, мосты сломали, и храброе христіанское воинство, нетерпѣливо желавшее сраженія, вступило въ землю непріятельскую.

На другой день, при восходѣ солнца (въ субботу) былъ густой туманъ, но часу въ шестомъ прояснѣло. Дмитрій повелъ свои полки берегомъ Дона къ устьямъ рѣки Непрядвы (Тульской губерніи въ Епифанскомъ уѣздѣ).—Тамъ-то встрѣтились русскіе съ татарами и сразились съ ними на обширномъ полѣ, называемомъ полемъ Куликовымъ.

Князь Московскій расположилъ свои войска на холмѣ. Передъ нимъ разстилалась широкая равнина между лѣсами. На срединѣ холма водрузили чорный великокняжескій стягъ или знамя съ изображеніемъ Спасителя. За лѣсомъ въ сторонѣ засѣлъ съ отборною частию дружины Владиміръ Андрѣевичъ и съ нимъ воевода Волинскій, Дмитрій, во всемъ помогавшій опытными своими совѣтами Дмитрію Іоанновичу.—Цѣлый день простояли Русскіе, не тревожимые прибывавши-

и на мѣсто татарскими отрядами, и отдохнули
тѣ похода. Къ вечеру нахлынули несмѣтные
олчища непріятелей и торопились занять берегъ
Юца. Шумно и тревожно было въ станѣ Мамае-
омъ отъ топота и ржанья коней и рева верблю-
довъ, отъ скрипа телегъ и разногласнаго гула
человѣческаго; мирно и спокойно—въ христіан-
скомъ лагерѣ—послѣ вечерней молитвы. Ночь
передъ великимъ побоищемъ до того была тем-
на, что зги невидны, но тепла и тиха, какъ лѣ-
тняя. Крѣпко спали христіанскіе воины, охраняе-
мые бдительною стражею.—Не спалось только
двумъ Димитріямъ,—Великому князю Московско-
му и другому князю—Волынскому—«Что-то
завтра будетъ, думали они. Для многихъ это,
можетъ быть, послѣдняя ночь». Пришолъ Дими-
трій Волынский въ шатеръ великокняжескій и
сталъ уговаривать Великаго князя не кручинить-
ся.

«Выйдемъ, князь, въ чистое поле, говорилъ
онъ ему, и посмотримъ примѣтъ, чему завтра
быть. Я примѣты знаю». Оба сѣли на коней и
выѣхали въ поле. Стали они тамъ впереди своихъ
полковъ, оборотившись лицомъ къ сторонѣ та-
тарской, и начали прислушиваться: слышенъ былъ
отголѣ стукъ и крикъ превеликій, какъ будто
торги тамъ происходили, города ставились и
грубы голосили. Позади татарскихъ полковъ
волки страшно вили, а справа вороны и галки
граяли, перелетая съ мѣста на мѣсто; на проти-
воположной же сторонѣ—на рѣкѣ Непрядвѣ, гуси,
лебеди и утки необычно гоготали и плескались
крыльями.—«Что слышишь, князь? спросилъ Во-
лынецъ Димитрія—Слышу, братъ, грозу вели-
кую.—Оборотись теперь на подки русскіе: слы-

шишь ли что?—Ничего не слышно: видно только зарево отъ мнѣства огней.—Добрыя это примѣты и знаменія, государь: молись Богу и уповай на него.—А вотъ и еще у меня есть примѣта, прѣмолвилъ тутъ Волинскій князь и, сойдя съ коня, принялъ ухомъ въ землю и долго такъ пролежалъ. Какая, братъ, это примѣта, спросилъ Димитрій Ивановичъ? Тутъ нехотѣлъ сказать, но Великій князь очень принуждалъ.—Одна тебѣ на пользу отвѣтилъ Волинецъ, другая—печальная.—Земля какъ бы плачется на-двое: однѣ сторона, какъ нѣкая жена, оплакивающая дѣтей своихъ, другая же—какъ дѣвица, прозвучавшая въ свирѣль... Я испыталъ много такихъ примѣтъ и отъ того надѣюсь на Бога и на св. мучениковъ, Бориса и Глѣба, сродниковъ твоихъ:—будетъ побѣда на поганыхъ, но и христіанъ множество падеть». Слышавъ такія слова, прослезился Димитрій и сказалъ: «да будетъ воля державѣ Господней»!—Волинецъ наказывалъ ему при томъ: «не должно, государь, никому того сказывать въ полкахъ; вели только всѣмъ молиться Богу и призывать на помощь святыхъ его».

Наступилъ день праздника Рождества Богородицы, начальный день спасенія рода христіанскаго. Солнце взошло въ туманѣ. Раздались звуки трубныя, и начали сниматься со стана обѣ стороны. Русскія трубы заглушали татарскія. Еще полковъ было не видно во мглѣ утренней, но «земля стономъ стонала, говорить сказатель, до моря на востокъ и до Дуная на западъ. Всколебалось поле Куликово, луга и болота, рѣки и озера. Никогда невидно было такой силы на тѣхъ мѣстахъ».—Князь Московскій, сѣвъ на коня.

облѣхалъ свои дружины и, устроивъ ихъ къ бою, такъ говорилъ воеводамъ: «отцы и братья! Ополчимся за имя Христова! Умремъ честною смертію!—И та смерть будетъ не въ смерть намъ, но въ животъ вѣчный. Забудьте все земное, чтобы сподобиться отъ Христа Спасителя нашего вѣнцовъ небесныхъ».—Урядивъ рать, какъ было должно, Дмитрій вернулся къ своему черному знамени, пересѣлъ тамъ на другаго коня, а своего отдалъ любимому боярину своему, Михайлу Андрѣевичу Бренку; надѣлъ также на себя вмѣсто княжескаго—платье простого ратника, а въ то велѣлъ одѣться своему любимцу и приказалъ великокняжеское знамя возить передъ нимъ своему рындѣ (т. е. оруженосцу, въ родѣ нынѣшнихъ придворныхъ нажей). Подъ тѣмъ знаменемъ и палъ Бренкъ, какъ честный слуга и другъ княжій, за Великаго князя,—не узанный татарами.—Сталъ В. князь на своемъ мѣстѣ, лицомъ передъ чернымъ знаменемъ и, преклонивъ передъ нимъ колѣна, пламенно помолился Богу; потомъ взялъ палицу желѣзную и выѣхалъ впереди своихъ полковъ, чтобы самому открыть сраженіе. Напрасно удерживали его отъ того русскіе князья и воеводы, говоря: «не слѣдуетъ тебѣ, государь, самому быть въ рядахъ ратниковъ; нужно тебѣ особо со своей дружиной стоять въ безопасномъ мѣстѣ и наблюдать за нами». Но В. князь отвѣчалъ на то: «хороши, братья, ваши рѣчи, и я хвалю васъ за нихъ. Но я вамъ головой былъ въ благовременьи: могу ли не быть головой же и въ безвременьи? Можно ли мнѣ видѣть васъ погибающихъ, а самому стоять въ сторонѣ? Нельзя того потерѣть мнѣ. Будемъ пить одну общую чашу.—Умереть, такъ умремъ

вмѣстѣ, останусь ли живъ, такъ и-тѣ вмѣстѣ вами же».

Въ шестомъ часу дня оба войска двинулись другъ на друга. Татаръ было гораздо больше Русскихъ. Уже передовые полки начали сдвигаться. Мамай смотрѣлъ на нихъ съ высокаго мѣста, сидя на конѣ, окруженный своими музами, какъ вдругъ выѣхалъ изъ толпы непретельской богатырь Темиръ-мурза, — страшный ростомъ и дородствомъ, подобный древнему Глафу. Сталъ онъ храбровать и похваляться передъ Русскими, понося ихъ разными обидными словами и вызывая кого нибудь на ратоборство съ собой. Русскіе молча стояли и тоскливо посматривали другъ на друга... Но вотъ среди ряды ихъ зашатались, — и показался русскій витязь. — То былъ инокъ Пересвѣтъ изъ полку Дмитрія Всеволоджикаго. Была сверху лать его и дѣта на немъ монашеская одежда, а на шлемѣ-схимническій крестъ. Сотворивъ крестное знаменіе и сказавши землякамъ: «отцы и братья! простите меня грѣшнаго!» устремился онъ на противника. — Всѣ христіане кликнули: «Боже! помоги рабу твоему!» — Богатыри сшиблись коньями и только и видѣли, что кони подъ ними окарачались — и оба всадника повалились съ нихъ на землю замертво... «Богъ намъ прибѣжище и сила» воскликнулъ тогда Дмитрій, — и началась обща битва. Каждый ударилъ по коню своему, и всѣ единогласно возопивъ: «Боже! помоги намъ!» понеслись на татаръ. Татары издали свой крикъ, крѣпко наступили на Русскихъ. — Затрещали кони и мечи булатные, зазвенѣли доспѣхи золоченые, загудѣли щиты червленые, заблестали сабли острые. — На десяти верстахъ покылось полѣ

сражающимися. Бились стойко и яростно съ той и другой стороны—не только оружіемъ, но и рукопашнымъ боемъ,—рубилась мечами, хватая другъ друга за руки, бились съ утра до полудня и съ полудня до заката солнечнаго. Была сѣча великая и брань неслыханная. Лилась кровь христіанская и татарская, какъ дождевая туча; пало безъ числа народу; валялись трупы на трупы, тѣла татарскія на тѣла христіанскія, какъ скошенная трава; ницѣ гнался русинъ за татаринѣмъ, ницѣ татаринъ одолявалъ русина. Все перемѣнилось въ свалкѣ.—Стрѣлы тѣмили небо тучею. Въ воздухѣ гулъ стоялъ отъ воплей и стоновъ человѣческихъ, и было въ немъ до того душно, что люди задыхались отъ тѣсноты. Конямъ негдѣ было ступать отъ груды мертвыхъ тѣлъ, и они по коѣно бродили въ крови.—Не хотѣли уступить татары, не хотѣли уступить и Русскіе. Одни сражались за отчизну и свободу отъ вражьей неволіи, полтараста лѣтъ надъ ними тяготѣвшей, за своихъ женъ и дочерей, многіе за послѣдній пожитокъ и кусокъ хлѣба, за алтари Господни и могилы отцовъ, другіе—за обладаніе Московскимъ улусомъ, (какъ татары называли Русь), за свои ордынскіе выходы и черные боры (т. е. поборы въ орду съ чернаго народа и дани), за свою гордыню бусурманскую, за пожогъ и разграбленіе селъ и городовъ; за полонъ мужей христіанъ и женъ ихъ,—своихъ полонянокъ.—Уже много пало русскихъ храбрыхъ князей и бояръ. Самъ Великій князь Димитрій весь былъ въ ранахъ и, сойдя съ коня, уклонился отъ бою, истекая кровью,—едва живъ. Около полудня татары начали одолявать. Многіе изъ Русскихъ съ отчаянія стали бросаться подъ ноги лошадей,

нехотя пережить такого ужаснаго несчастія. Иѣсколько русскихъ стяговъ подѣляли уже татары и съ трехъ сторонъ начали обступать христіанъ. Вездѣ больше было видно полковъ татарскихъ, меньше оставалось полковъ русскихъ. Татары добирались до самаго великокняжескаго чорнаго знамени, и вѣрная дружина Дмитріева съ трудомъ его отстаивала. Вдругъ татары сдѣлали страшный натискъ. Еще бы съ часъ времени—и тогда конецъ.... Но видѣли все это изъ залѣсу засѣвшіе тамъ со свѣжею дружиною Владиміръ Андрѣевичъ и воевода Волинскій Дмитрій.—Еще въ началѣ битвы Владиміръ Андрѣевичъ говорилъ нетерпѣливо своему товарищу: «что же мы стоимъ здѣсь безъ дѣла, братъ Дмитрій?—Велика бѣда», отвѣчалъ тотъ, «но не пришло еще наше время. Начнемъ безвременно, только все испортимъ.—Потерпи иѣсколько да молись Богу.» А воины въ полку его плакали, видя, какъ побивали ихъ братьевъ, и порывались на бой, какъ на пиръ брачный. Волинецъ все сдерживалъ ихъ и говорилъ «пождите не много, ретивая Русь. Будетъ вамъ съ кѣмъ потѣшиться, пиръ пировать и веселиться!» а самъ глазъ не спускалъ съ поля сѣчи и выжидалъ удобнаго времени для нападенія. Когда же увидалъ, что Русскіе начали изнемогать отъ напора татарскаго и уже готовы обратиться въ бѣгство, то, поспѣшно обнаживъ мечъ и сядясь на коня, возопилъ громко: «теперь наше время! Впередъ, други и братья. Съ нами силы небесныя!»—Выскакали засадные полки изъ залѣсу, ихъ схоронявшаго, и полетѣли на Татаръ. Какъ соколы на стаю журавлей. Татары не выдержали этого неожиданнаго натиска и, закричавши: «не-

рехитрила насъ Русь!» дались бѣгству... «Великъ Богъ христіанскій!» молвилъ Мамай—и побѣжалъ въ числѣ первыхъ. Русскіе преслѣдовали ихъ и рубили безъ милости. Тѣ побросали свое оружіе и склонили голову подъ мечи русскіе. Многіе изъ татаръ отъ христіанской руки пали, а другіе въ рѣкѣ утонули. Ихъ гнали нѣсколько верстъ на побѣгъ и захватили весь ихъ обозъ. Много досталось добычи побѣдителямъ: дорогихъ узорожьевъ, доспѣховъ и коней, воловъ и верблюдовъ, вина, и сластей, и добра всякаго.—Приходилъ Мамай на Русь съ девятью ордами и семидесятью князьями, а бѣжалъ изъ ней самъ девять въ лукоморье (т. е. къ Азовскому морю), гдѣ побитъ былъ ханомъ Тохтамышемъ.

Прекративъ преслѣдованіе, Владиміръ Андреевичъ «сталъ на костяхъ» на полѣ Куликовомъ подъ чернымъ великокняжескимъ знаменемъ и велѣлъ трубить въ трубы. Всѣ оставшіеся въ живыхъ (а ихъ было всего 40 тысячъ) ратники собрались на этотъ зовъ. Но Великаго князя между ними не было. Въ сильной тревогѣ начали разыскивать его по всемъ мѣстамъ. Но долго всѣ поиски были напрасны. Уже начинали думать, что государь убитъ. Кто говорилъ, что видѣлъ его тяжело раненымъ, и его надо отыскивать въ грудѣ мертвыхъ тѣлъ, кто, что онъ одинъ отбивался отъ четырехъ татаръ, но потомъ пропалъ изъ виду, кто сказывалъ иное. Владиміръ страшно тужилъ и со слезами просилъ ратниковъ сыскать ему брата, обѣщая большую за то награду. Скоро нашли тѣло Бренка въ княжескихъ латахъ и шлемѣ, и его—было—приняли за Великаго князя; нѣкоторые признали за Дмитрія одного изъ князей Бѣлозерскихъ, кото-

рый былъ похожъ на него. Наконецъ двое воиновъ (Сабуръ да Григорій Хлопищевъ изъ костромичей), отойдя въ правую сторону отъ главнаго мѣста побоища къ дубраву, открыли тамъ государя лежащимъ подъ деревомъ, — съ закрытыми глазами, блѣднымъ лицомъ, въ окровавленной одеждѣ, съ изломанными доспѣхами. Но онъ не былъ мертвъ, а только лишился чувствъ отъ потери крови. Владиміръ Андрѣевичъ поскакалъ туда, и какъ только нѣсколько государь очнулся, радостно привѣтствовалъ его съ побѣдою. Всѣ князья и бояре собрались около «первоначальника русской славы», и соскочивъ съ коней и кланяясь, повторили ему это привѣтствіе. Димитрій съ трудомъ проговорилъ: «разскажите, какъ мы побѣдили» и потомъ, вставъ на ноги и возблагодаривъ Бога, началъ съ восторгомъ обнимать окружающихъ. Отслужили за побѣду благодарственный молебенъ и панихиду по душамъ павшихъ въ битвѣ воиновъ — Столѣтъ Великій князь за Дономъ до тѣхъ поръ, покаместъ разобрали отъ татарскихъ тѣлъ христіанъ и предали честному погребенію.

«Сосчитайте, братья, сколько у насъ нѣтъ воеводъ и сколько ратниковъ», сказалъ Димитрій Іоанновичъ, «стоя на костяхъ» — Отвѣчалъ ему Московскій бояринъ Михайло Александровичъ: «у насъ нѣтъ, Великій государь, 40 бояръ московскихъ, 12 князей бѣлозерскихъ, 30 новгородскихъ посадниковъ, 20 бояръ коломненскихъ, 40 бояръ серпуховскихъ, 30 пановъ литовскихъ, 25 бояръ костромскихъ, 35 бояръ володимірскихъ, 8 бояръ суздальскихъ, 40 бояръ муромскихъ, 34 бояръ ростовскихъ, 23 бояръ дмитровскихъ, 60 бояръ Можайскихъ, 30 бо-

лрѣ звенигородскихъ, 15 боярѣ углинскихъ, всего посѣчено отъ безбожнаго Мамая тысячѣ за сто».

Распространилось по русской землѣ веселіе, пронеслась слава русская по самымъ дальнимъ краямъ и городамъ—даже до Крѣма, Кафы, Желѣзныхъ воротъ (нынѣшняго Дербента) и Царьграда, на татарѣ же—пошла худа и пагуба.

Въ честь донской побѣды народѣ проименовалъ Дмитрія Іоанновича «Донскимъ», а брата его Владиміра Андрѣевича—«храбрымъ»; въ память же положившихъ животъ свой за огечество воиновъ на полѣ Куликовомъ, Дмитрій установилъ на вѣчныя времена поминѣ церковный по душамъ ихъ въ дмитровскую субботу, между 18 и 26 числами октябрю мѣсяца, доколя будетъ стоять Россія, что и понынѣ неуклонно св. православною церковію совершается.

И. Катасовъ.

